

WARHAMMER
40,000

HONOURS

JAMES SWALLOW

Почести

Джеймс Сваллоу

...

Люди всегда задают вопросы таким, как он.

Таково бремя великих воинов. Ветеранов. Капитанов. Бессмертных, хотя немногие звали

его так в глаза. Воин не любил это слово, считая дурным предзнаменованием. Он предпочитал сам решать, когда бросить вызов судьбе.

Вопросы.

Обычно их задавали молодые новообращённые боевые братья, но иногда и закалённые

войной сержанты, прославленные сыны других рот, даже других орден. И всякий раз он

терпеливо слушал. Таков был долг тех, кто занимал высокое положение. В конце концов,

каждый командир должен быть учителем и наставником, а он поклялся вести их

так, как

вёл бы сам примарх Сангвиний: примером.

Самые храбрые, которые смотрели на
стяги его великой роты и возможно
мечтали о

славе, спрашивали его: капитан, как ты
потерял глаз?

Ах, старая рана. Кто забрал его глаз? «Я
сам. Как если бы сам выколол его своим
боевым

ножом»

Он потерял глаз из-за гордости. На
берегах моря Перпетуа, когда его
отделение

столкнулось со стаей кибридных псов
войны, возглавляемых псайкером-еретиком.

Тогда

он был молод, едва стенил доспехи скаута
на чёрный панцирь, вживлённый под кожу.
О,

как молод и глуп он был. Достаточно
безрассуден, чтобы поверить, что карлик
со

светящимися пальцами не в силах

оголеть Кровавого Ангела, одного из
Ангелов Смерти
Императора.

Едва подвернулась возможность, он
бросился на колдuna в одиночку, нарушил
строй.

Даже теперь, спустя века, воин кривился,
вспоминая, как психический удар незримо
кулака швырнул его на лазурный песок. В
тисках притяжения он лежал неподвижно,
словно брошенный остывать труп. Псайкер
приблизился. Воспарил перед ним, безумно
стесаясь, протянул окутанный
переливающимся призрачным светом
палец и выжег ему

левый глаз. Медленно. Неторопливо.

Он отомстил. Тварь слишком увлеклась,
упиваясь страданием, и воин пронзил её
живот

ножом. Когда колдун умер, Ангел бросил
его труп на берегу океана и нашёл
аптекаря,

обработавшего жуткую рану.

Шрамы и бионика навсегда остались

напотинанием об уроке. Гордыня убивает,
скромность спасает.

Меч, сэр. Правду ли говорят о мече?

«Правду?» Что сей клинок сразил
повелителя демонов, что он был столь
остр, что высек

ненависть из проклятия и сделал его
бессильным? «Да... и нет»

То был меч чемпиона, дарованный лордом
Кагеутом в последние годы его бытия

великим магистром. Он носил его с
достоинством и считал делом чести
обнажать клинок

— названный Кагеутом «Решительным» —
лишь в час величайшей нужды. Меч стал
его

талисманом.

Воины трачно устехались. В гуще боя,
среди рек крови и под огненными дождём
они

смотрели на него и говорили: «Не так уж
тяжела битва, не так уж и грозен враг.
Видишь?

Капитан даже меч не стал обнажать!»

Но о зловещих шутках забыли, когда зверь,
Сетселамет, вырвался из потоков варна и
напал на них на борту боевой баржи
«Кровавый герольд». Коварный князь

Сзинча

проклял корабль, тайно собратил серва
оргена, чтобы тот доставил на борт
нечестивую

реликвию, и именно капитан раскрыл
замысел, когда Сетселамет проник на
баржу. Их

бой на мечях посреди высокого зала
реактора инженариута запечатлели на
фреске,

украшившей потолок двизательной палубы.
И эта фреска по сей день радует сердца
тех,

кто трудится под варн-двизателями.

Некоторые боевые братья смотрели на
болтер в его руке -- великое оружие, на
котором

выгравировали крыло и полубраз
Сангвиния, но оружие не кроваво-алое и не
чёрное,

как у воинов капитана, но жёлтое, цвета
песчаных пустынь. Смотрели, а потом
спрашивали: почему на твоём болтере
цвета другого ордена?

Он любил рассказывать эту историю.
Историю о подвиге на станции «Матус»,
где

еретическая секта, назвавшая себя
Гончими Разбитого Неба, обрушилась на
горстку душ

кузенов ордена, неготовых к такой
безумной ярости. В глубине костоса
тысяча влекомых

пазубной силой варна кораблей-часовен
впилась носами в платформу. Последовала

двухсотлетняя осада, словно застывшие в
янтаре Агентус Астартес, загнанные в

центральные отсеки «Матуса», сражались
против сектантов, посветивших всё своё

существование их убийству. Ради гибели
врага Гончие создали там маленькую

цивилизацию, целые поколения бросались в
бой. Смерть каждого костодесантника

становилась величайшей победой, даже

если на это уходили десятилетия. Из
двадцати

двух Имперских Кулаков уцелело лишь
четверо, когда на их зов о помощи
ответили, когда

Кровавые Ангелы пришли на выручку
сынам Дорна. Вместе они изгнали Гончих
и предали

их всех мечу. В знак благодарности
Кулаки подарили ему болтер, и тех пор
каждый

выстрел был памятью о воинах, павших на
станции «Матус». Он носил его с
гордостью.

Но на самом деле они хотели спросить о
Слезе. Лазурной Слезе, голубой, какой были
идеальные небеса Ваала прежде, чем
Война Сожжения скрыла их пеленой непла.
Слезе

цвета, которого не помнил ни один
Кровавый Ангел из ныне живущих.

Как ты был благословен такой реликвией?
Он не просил этой почести и не искал. Не
таков был путь ордена и его сынов. Слеза,

вырезанная из лазурного редчайшего нефрита с Ваала Секундус, распростёрла на

нагруднике тёмно-золотые крылья. Реликвия стала его знаком, когда он стал капитаном

первой роты. Дар воин принял со стиранием и натеревался быть достойным его. Ангел

пронёс Слезу через сотню войн против орков и эльдаров, мутантов и еретиков.

Забрызганный кровью предавших родичей капитан нёс её, когда руководил сожжением

корабля Повелителей Ночи «Угасшее солнце» и жестокосердных убийц, шесть веков

терзавших Персей Нүль. Он нёс её, когда казнил губернаторов Траура за ужасные преступления хрономантии, и Слезаспасла его жизнь, отведя смертельный удар Зода

— механического исполина из сектора Каликсига.

Был ли он достоин этой реликвии, этой почести? В этом не было тайны. Он заслужил

Лазурную Слезу, исполняя свой долг, как исполняет его любой верный своему ордену и

родичам Кровавый Ангел.

Но на последний вопрос не будет ответа. Во многом это трагично, ведь именно это больше всего хотели узнать боевые братья.

Как и когда ты умер? Кто из зеленокожих забрал твою жизнь?

На равнинах тира-уля Левион Галта, в мени Пяти Башен первая рота возглавила натиск

против союза орочьих кланов, огромной, невиданной орды. Зеленый прилив катился по

планете, сокрушая всё на своём пути, пока орки не соткнули кольцо вокруг серебряных цитаделей и защитников Империи. Говорят, что столь ужасна была огненная буря,

разразившаяся в тот день в измученных небесах, столь жуток был вой плазменного оружия, болтеров и лазерных ружей, что Левион Гатта так и не оправился от битвы,

данной на нём Кровавыми Ангелами.

Этого капитан не увидел. Возможно, он слишком часто бросал вызов судьбе. Он сражался и умер так же, как и жил — неисполненной отваги, унаследованной от предков, почитаемых братьями. На холме из мёртвых ксеносов капитан выпустил последний вздох, дарованный болтер стрелял, пока не раскалился докрасна, освященный клинок

«Решительного» покинул ножны, зоркий глаз не подвёл.

И Слеза. Слеза, сверкавшая для его воинов, словно путеводная звезда.

Всё это были лишь оружия, инструменты, вещи, полные смысла, но бессмысленные без души, которая бы его видела. Они становились ценными лишь вместе, в руках воина.

В этом они были почестями и останутся
ими, ведь и долг, и война вечны.

...